

7. Матвеев, А. В поисках Ермаковой перекопи / А. Матвеев // *Тобольск и вся Сибирь : альманах*. – Тобольск : Обществ. благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. – № 18 : 425 лет Тобольску. – С. 526–545.
8. Миллер, Г. Ф. *История Сибири* / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература», 2000. – Т. 2. – 796 с.
9. Мирзоев, В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века / В. Г. Мирзоев. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 187 с.
10. *Очерки русской литературы Сибири : в 2-х т.* – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1982. – Т. 1. – 606 с.
11. Покровский, Н. Н. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. / Н. Н. Покровский // *Археографический ежегодник за 1984 год*. – М. : Наука, 1986. – С. 13–25.
12. Покровский, Н. Н. Предисловие / Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская // *Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ)*. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – С. 3–31.
13. ПСРЛ. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
14. Ромодановская, Е. Тобольские летописцы / Е. Ромодановская // *Родина*. – 2004. – Спец. вып. : Тобольск – живая былина. – С. 45–49.
15. Ромодановская, Е. К. Проблемы изучения сибирского летописания / Е. К. Ромодановская // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.* – Новосибирск : б. и., 1982. – Вып. 1. – С. 14–16.
16. Ромодановская, Е. К. *Сибирь и литература: XVII век* / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 2001. – 391 с.
17. Ромодановская, Е. К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) / Е. К. Ромодановская // *Изв. Сибир. отделения АН СССР*. – Сер. обществ. наук. – 1970. – № 11. – Вып. 3. – С. 14–21.
18. *Сибирские летописи : Краткая сибирская летопись (Кунгурская)*. – Рязань : Александрия, 2008. – 10 : XXXI ; 1 ; 645 с.
19. Скрынников, Р. Г. Ранние сибирские летописи / Р. Г. Скрынников // *История СССР*. – 1979. – № 4. – С. 82–99.
20. Скрынников, Р. Г. *Сибирская экспедиция Ермака* / Р. Г. Скрынников. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1986. – 318 с.
21. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с.
22. Солодкин, Я. Г. Еще раз о том, как создавался синодик «ермаковым казакам» / Я. Г. Солодкин // *II Ремезовские чтения: Провинция в русской культуре*. – Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. – С. 381–387.
23. Солодкин, Я. Г. «Зауральская эпопея» Ермака: несколько спорных вопросов / Я. Г. Солодкин // *Северный регион : наука, образование, культура*. – 2012. – № 1-2. – С. 211–217.
24. Шашков, А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания / А. Т. Шашков // *Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу*. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. – С. 146–161.
25. Яковлева, А. М. Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920-90-х гг. / А. М. Яковлева // *Проблемы истории Сибири XVI – XX веков*. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 2005. – Вып. 1. – С. 25–44.

Кобринец В.А.

РУССКИЕ МОНЕТЫ В ОПЕРАЦИЯХ КРЕДИТА НА РЫНКАХ МОГИЛЕВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В XVII в. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, которое было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В их денежном обращении участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и России. В первой половине XVII в. основным монетным номиналом последней была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. Ее фракции в 1/2 (денга) и 1/4 (полушка) были малочисленны и среди находок на территории Беларуси представлены незначительно. В первой половине XVII в. одним из источников поступления копеек на рынки белорусских земель являлись торговые контакты с Русским царством. Еще с конца XVI в. главную роль в них отыгрывали могилевские купцы.

Целью данной публикации является рассмотреть место русских монет в долговых операциях на рынках Могилева в первой половине XVII в. Задачи работы: 1) ввод в научный оборот новых, ранее не использовавшихся письменных источников; 2) систематизация доступных данных актов книг Могилевского магистрата о «деньгах Московских»; 3) анализ роли монет Русского царства в кредитных операциях на рынках восточной Беларуси.

В работах как по нумизматике Беларуси, так по ее экономической истории продолжает оставаться недостаточно разработанной тема применения русских монет в кредитных операциях на рынках белорусских земель первой половины XVII в. Во многом сложившееся положение обусловлено предметом исследования. Среди вещественных памятников денежного обращения и в письменных свидетельствах о них в первой половине XVII в. русские монеты были представлены более чем скромно [60, с. 123; 7, с. 184–185, 198–199]. В работах по экономической истории Беларуси применение денег Русского царства в долговых отношениях на белорусских рынках незначительно принималось к рассмотрению. В наиболее обстоятельной работе по экономической жизни Могилева, одного из крупных городских центров Великого княжества Литовского XVI – середины XVII в., участие русских монет в кредите было проиллюстрировано в

единственном эпизоде о взятии на реализацию товара Данилой Дубковичем и Федором Давидовичем [4, с. 138–139].

Основным источником предлагаемой публикации послужили Актовые книги Могилевского магистрата, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси. В результате их исследования было выявлено 56 новых актов, в которых упоминаются русские денежные знаки. Дополнительным источником явились «Историко-юридические материалы» [3]. Они сохранили материалы многих магистратских книг, рукописные оригиналы которых были утрачены.

Документы Могилевского магистрата первой половины XVII в. отразили как традиционное восприятие местным населением продукции денежных дворов России, так и ряд новых явлений. Так, для собирательного именованья русских монет в XVI в. служило единственное известное название – «деньги Московские». В исследуемое же время одновременно применялось несколько таких определений – «деньги», «деньги Московские», «копейки», «копейки Московские» и «гроши Московские».

В Актовых книгах приводятся все составляющие элементы московской денежной системы – алтын, гривна, полтина, рубль. Эти русские денежные знаки были представлены монетами, а несли в себе исключительно счетное понятие. Так, алтын был равен 3 копейкам или 6 деньгам, гривна – 10 копейкам, полтина – 50 копейкам и рубль – 100 копейкам. Кроме того, в этих сборниках актов известны примеры упоминания монетных номиналов Русского царства. Так, 24 октября 1620 г. впервые на территории Беларуси называется самый крупный из них – «копейка». Могилевский райца Ярош Казан обвинил мещанина Ивана Калачника в том, что тот ограбил его «комору, въ рынку мескомстоячую». Среди украденного имущества было копеек на 4 злотых [3, с. 360; 7, с. 185]. Позднее эти монеты неоднократно фигурируют в ряде иных документов [2, с. 136; 5, д. 13, л. 37–37 об., 903 об. 907; 7, с. 198].

На рынках Речи Посполитой русские копейки имели хорошую репутацию. Организованная по решению Варшавского сейма 1616 г. специальная комиссия наложила запрет на обращение мелкой чужеземной монеты. Исключение было сделано для «старых грошей чешских, шеленгов венгерских и старых денег московских (копеек. – В.К.)» [8, с. 175; 6, с. 116; 7, с. 184]. Письменные источники также подтверждают, что на рынках Могилева, как и в целом на территории Речи Посполитой, более тяжеловесные русские монеты XVI – начала XVII в. пользовались большей популярностью, чем меньшие по весу современные русские монеты царя Михаила Федоровича Романова (1613–1645). Так, в 1628 г. для приезда в Могилев вяземского купца Никифора Балакина одним из доводов могилевского торговца Михаила Григорьевича было обещание рассчитаться «копейками старыми» [5, д. 10, л. 996–998]. В 1643 г. в составе имущества покойной жены мещанина Максима Парфеновича названы 150 «копеек старых» [5, д. 14, л. 185 об.].

Дальнейшее развитие получает признание русских монет полноправными составляющими рынков. Еще в последней четверти XVI в. завершается их инкорпорация на землях Великого княжества Литовского. Эти денежные знаки назывались «готовыми грошами» (т.е. наличными деньгами), считались на копы* и имели обменный курс или котировку. В первой половине XVII в. к старым признакам добавился новый элемент – счет на злотые* [1, с. 371, 415; 2, с. 136; 3, с. 360; 7, с. 198–199]. В течение первой половины XVII в. обменный курс копейки не был постоянным. Известны несколько его показателей – не более 0,92 литовского гроша (1602 г.), 1 польский грош или 0,8 литовского гроша (1604–1618 гг.), 1,5 польских гроша (1622 г.), 1,833–1,875 польского гроша (1635 г.), 2 польских гроша (1638 г.), 1,8 польского гроша (1641 г.), 1,44 литовского гроша (1645 г.).

Широко распространенным явлением на рынках Могилева был кредит. Его условия и формы были самыми разнообразными – прием или передача на хранение, беспроцентные ссуды, ростовничество, залог и др. В части из них отмечено использование русских денежных знаков. Одной из форм устного беспроцентного доверительного кредита на рынках Могилева, в котором участвовали русские монеты, была передача на хранение – «до повераныхрукъ до схованя». Так, 18 марта 1619 г. Наум Цадкович сообщил суде, что он дал Иву Радковичу 150 рублей «денегъ» [5, д. 8, л. 454]. Менее значительную сумму в 7,5 коп копейками между 1618 г. и 1628 г. буйницкий державца Федор Иванович Тарасенка получил от могилевского землянина Болтромая Манковского [5, д. 10, л. 38].

* Копа – счетная денежная единица, равная 60 литовским грошам.

* Злотый – счетная денежная единица, равная 30 польским грошам.

Позднее в аналогичных операциях фиксируется и иные количества продукции денежных дворов России – 14 и 15 рублей [5, д. 14, л. 723; д. 16, л. 439 об.]. К примеру, будучи в Вязьме в 1643 г., мещанин Логвин Омельянович передал другому мещанину Виктору Уласовичу «до верных хрюк и схованя» некоторую сумму в талерах, фунт тройных грошей и 14 рублей «копеек московских». Соблазнившийся крупной суммой, получатель сообщил кредитору о краже этих денег и присвоил их себе. Однако судебное расследование обнаружило, что многие из якобы похищенных средств оказались у Виктора в принадлежавшем пострадавшему мешке [5, д. 14, л. 723].

Устно заключались кредитные сделки на получение доверительной ссуды – «позыки» (долга). Так, 9 сентября 1602 г. мещанин Корней Лахтионович за себя лично и своих наследников обязуется в течение двух лет вернуть смоленцу Миките Пешонкину долг «девять рублей московских» частями по 4 и 5 рублей [5, л. 56 об. – 57]. В другом случае в 1619 г. мещанин Константин Сидорович не желал возвращать родным покойного Тишки Семеновича, взятые займы в Москве у их умершего родственника 31,5 рубля. Согласно показаниям ответчика, Тишка дал эти деньги не ему, а москвичу Третьяку Григорьевичу [5, д. 8, л. 664 об. – 665]. По «тестаменту» (завещанию. – В.К.) от 17 мая 1603 г. другой мещанин Павел должен был отдать «москвитину» Борису Коренину 97 рублей «денег московских», взятых его дядей Захарией Андреевичем Сободем и отцом Халеем [5, л. 311 об.]. В Актовых книгах фиксируются и совсем незначительные суммы долга в русских монетах – «двадцат копеек» и «алтынов пят» [5, д. 10, л. 829 об.; д. 11, л. 297 об. – 298].

В руках могилевских купцов могли находиться очень значительные средства в русских монетах. Так, самая крупная сумма займа фигурирует в документе от 17 июня 1628 г. 1 200 рублей и 37,5 копеек («рублей московских тисецадвесе денег алтын дванадцат и пол») на нужды бурмистра Федора Филипповича получил мещанин Игнат Герасимович от другого мещанина Стефана Федоровича. В Вязьме Игнат купил товара на еще большую сумму – 1 203 рубля и 85 копеек [5, д. 10, л. 541 об.].

Свои обязательства по заимствованным средствам могилевские купцы подтверждали письменно такими документами, как «кабалы» или «церографы». Так, в 1602 г. Максим Иванович и Корней Лахтионович составили в Смоленске кабальную запись на 17 рублей «денег», которая покрывала разницу между наличными средствами и купленными ими соболями и «юхтами» [5, л. 7–7 об.]. Кроме того, известны аналогичные долговые документы от 35 до 1 000 рублей «московских денег» [5, д. 7, л. 184 об. – 185; д. 10, л. 1015–1015 об.; д. 14, л. 559–560; д. 16, л. 688 об. – 689; д. 17, л. 832; д. 18, л. 141 об., 160–160 об., 181, 336, 460–460 об., 514 об. – 515, 583, 662, 674 об., 732, 804 об., 838 об., 851 об. – 852].

Согласно «Протестацьи» от 20 октября 1645 г., райца Микита Дашкович и мещанин Яков Мартинович свои долги московским купцам подкрепили двумя «церографами» – на 262 рубля и на 100 рублей [5, д. 16, л. 711–711 об.].

Гарантами возврата долга выступали как русские, так и могилевские купцы. Как сообщает «Квитацья» от 13 ноября 1628 г., мещанин Федор Тимофеевич поручился перед жителем Вязьмы Тимофеем Сидоровым сыном за заем другого мещанина Давида Григорьевича [5, д. 10, л. 1015–1015 об.]. В 1644 г. для Овхима Хомутовского и Романа Ребровича такой роли выступил уже «москвитин» Данила Панкратович [5, д. 16, л. 688 об. – 689].

На рынках Могилева русские монеты были привлекательны как предмет залога – «заставы». Их суммы были небольшими. Так, 27 января 1642 г. в магистрате при составлении описи имущества Адама Дзивлевского присутствовала Степанида, жена могилевского портного Ладюка. С ее слов было записано, что в обеспечение суммы в 170 грошей Адам передал 150 копеек еврею Афрашу [5, д. 13, л. 37–37 об.]. Из записей того же года известна сумма залога в «капеек дванадцат», которые мещанин Ждан Бранка дал одному из своих сыновей [5, д. 13, л. 905 об. – 906]. Позднее в 1648 г. два шнура из 270 свернутых «копеек московских» Семен Иванович Тубошинский заложил Михаилу Григорьевичу Белокурцеву за 9 злотых [5, д. 18, л. 298–298 об.].

Подводя итоги исследования участия русской «проволочной» копейки в экономической жизни Могилева в первой половине XVII в., следует сказать, что среди письменных свидетельств, называющих русские деньги, наиболее распространенной причиной упоминания русских монет был кредит. Известно несколько его форм – прием на хранение («до верных рук до схованя»), долг («позыка»), кабальная запись («кабала» и «церограф») и залог («застава»). Главными фигурантами долговых обязательств были преимущественно купцы. Они оформляли

свои сделки чаще всего устно и реже письменно. Одалживаемые денежные средства были как небольшими (не более рубля), так и очень значительными (более 1000 рублей). Займы в русских монетах брались как в самом Могилеве, так и за границей, например – в Москве, Вязьме, Ярославле.

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею (АВАК) : в 39 т. / сост. Я. Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно : Типография губернского правления, 1872. – Т. 6. – 593 с.
2. АВАК : в 39 т. / сост. Ю. Ф. Крачковский [и др.]. – Вильно : Типография «Русский почин», 1901. – Т. 28. – 439 с.
3. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске / под ред. А. М. Созонова. – Витебск : Тип. Витебского Губ. Правления, 1877. – Вып. 8. – 530 с.
4. Мелешко, В. И. Могилев в XVI – середине XVII в. / В. И. Мелешко. – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 6.
6. Рябцевич, В. Н. О чём рассказывают монеты / В. Н. Рябцевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Народная асвета, 1978. – 399 с.
7. Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. – Минск : Польша, 1995. – 686 с.
8. Szelągowski, A. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce / A. Szelągowski. – Lwów: Nakładem towarzystwa wydawniczego, 1902. – 317 s.

Булаты П.Ю.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ ГОРОДА ЛЯХОВИЧИ В XVI–XVIII ВЕКАХ

Мемуаристика играет особую роль в изучении региональной истории и истории отдельных населённых пунктов ВКЛ в период Нового времени. Она даёт информацию о жизни, быте, культурном наследии, исторических событиях и личностях. Рассмотрим мемуарные источники, которые касаются истории белорусского города Ляховичи в период с XVI по XVIII вв.

Современные Ляховичи – небольшой город на северо-востоке Брестской области. Впервые в письменных источниках упоминается в XV в., когда великий князь литовский Казимир разрешил неизвестному пану (вероятнее всего Альбрехту Мартину Гаштольду) проводить в Ляховичах ярмарку и содержать корчмы. Как видно из привилея, уже на тот момент Ляховичи являлись не только аграрно-торговым поселением – местечком, но и административно-хозяйственным центром крупной феодальной вотчины [1, с. 29].

Сведения о городе периода с XVI по XVIII вв. содержатся в следующих произведениях мемуарной литературы: «Гістарычныя запіскі» Фёдора Евлашовского, «Мемуары» Яна Хризостома Пасека и «Воспоминания о Свислочи Тышкевичевой, Деречине и Ружанах» графа Леона Потоцкого.

Фёдор Евлашовский родился в 1546 г. и проживал недалеко от местечка Ляховичи. Он, получив неблестящее образование, несмотря на довольно скромное имущественное положение, пользовался почётом и уважением современников. Записки Евлашовского носят исключительно автобиографический и местный характер, вследствие этого они изобилуют бытовыми подробностями. Евлашовский писал свои записки в конце жизни (1603–1604 гг.), но при этом он, несомненно, пользовался краткими заметками, которые составлял в течение всей жизни, так как время упоминаемых им событий он всегда определяет весьма точно, обозначая не только год, но также месяц и число, когда они случились. В письменной культуре Беларуси «Гістарычныя запіскі» Евлашовского занимают выдающееся место, как один из первых значительных памятников мемуарного жанра литературы эпохи позднего Ренессанса [2].

Из мемуаров Евлашовского можно подчеркнуть некоторые сведения о его родном местечке Ляховичи. Так, из его записей известно, что в 1546 г. в Ляховичах действовала православная церковь, т.к. будущий мемуарист родился в семье православного священника Михаила Леоновича «месяца февраля сегого дня в неделю ночи пришлое около полночи...» [3, с. 90]. Следующие упоминания в мемуарах о Ляховичах относятся к 1565 г., когда именем Ляховичи владеет В.С. Заболоцкий, «зацного дому человек з Москвы» [3, с. 93]. Упоминается и передача имени Ляховичи Яну Иерониму Ходкевичу в 1572 г. В своих воспоминаниях Ф. Евлашовский указал день смерти матери – 2 марта 1572 г., которая была «похована в Ляховичех в церкви русской» [3, с. 95]. Вниманию мемуариста был удостоен факт смерти в Ляховичах в 1575 г. сына неизвестного виленчука пана Яроша 15-ти лет, который «в той молодости своей был мудрости и розторопности великой» [3, с. 97].